

СЕРГЕЙ ДАДАГРАФ

ЛЕДИМИТРИЕВЫ

ГИРИГИ

собрание сочинений
том 39

пермѣ
издат
ОДЕКАЛ
1991

по снегу скачут самозванцы
 у них укропом крыты раны
 а я увидел вуалю
 не покидая корабля
 разверзлись залы пострадавших
 придет иль нет придет ли
 неведом домик убежавшим
 а убегающим тем боле
 тут казаков нестройный шепот
 ты гетман скопище пороков
 твои парчовые усы
 висят весною за Москвою
 но в ухе ковырять не смей
 так лицедей сказал и змей
 и замело во все пределы
 и что-то на столе горело
 оно горело на столе оно сопрело
 и мудрый вол не подставляет тело
 вот тут открученный воротничок
 и дева кажется повешенной
 скрипач глотающий смычок
 умчится к лешему

крысы
 убегут поиграть
 лысый
 карты может не брать
 братьям
 укороченных стрел
 платя
 надевая горел
 с горки
 упала трава
 корке
 тараторит трамвай
 призна
 треснет на три куса
 присно
 опреснели века
 веком
 дернет знак у дорог
 млеком
 скоро станет творог
 твари
 по трезубцам текли
 в сваре
 крысы мышь истолкли

покупая вечность. Но когда человек
 сразу на развеселится, но потом
 проявил беспечность, тогда он в
 и с небес взлетит, он не знает, что
 опустились стулья, от дна отко-
 сядь и поразмысли, зачем он
 вдруг надули, зачем он ототт и
 шариком да вышли, зачем он
 воздуха, зачем он, зачем он
 и вздохи не помогут, зачем он
 ведь духи, зачем он, зачем он
 хоть девы и не могут, зачем он
 потреблять по назначенью, зачем он
 знают в этом толк, зачем он
 полк приходит на ученья, зачем он
 на охоту волкам, зачем он
 волочит хвосты,
 выводы весьма просты

младенец бабочкой вспорхнул и упал
 порол он чужь не устывая он упал
 а я был рядом но уснул
 и вот упал он не вставая
 почто лежишь его спросил
 но был кинжалами пронзенный
 и оттого затормозил
 воз сена выявив казенный
 чу возле сенных девок взвод
 взметали талии в объятья
 но их холодный хоровод
 затронул воздух лишь да платяток
 платить по счету без причин
 весьма приличный участковый
 вдруг поволок мешок мужчин
 и грустно звякнули подковы

вот полосатые усы
 окно отмыли от пейзажа
 где ходит боже упаси
 не знаю даже
 наверное во рву некошенном
 как куст укушенный
 а может более того
 и нет его
 когтистого такого
 уж больно тут банально слово
 и славят ружья
 приходы племени молодого
 вполне знакомого к тому же
 и ликованьем налитого
 листай листы свои
 свалившимся календарем
 узнаешь про бои
 не даром да царем

осиновых книг переплеты
 пещеры глазниц
 и вот уж открылись раны
 и в краны стекли
 стеклить непреклонные очи
 не очень легко
 влетают тяжелые ставни
 вчерашних обид
 латают утихнувшим ветром
 поля до утра
 утрачен секрет и откручен
 коричневый крест

вино безвинный выпивает
и валится как не бывает
со снегом даже но порой
стоят морозы за горой
у них стаканы загорелись
и не стучатся дятлов трели
когда проходит на рысях
махнувши махонький монах
ему бы машеньку и кашу
да только что скакалка скажет
и вот увитые плутом
несутся курицы еще
исчезнет адово исчадье
про непорочное зачатье
расскажет минину пожар
и тот намылится бежать
да будет поздно изза гор
бредет и бредит пифагор
какою цифрой не мечи
но утомились мечи

ножницы снов
уверенность кромсают
никто ровным счетом
кривым тем боле
и угасают ритма копыта
и провисают
гдето за поворотом
каким почетом
окружен столик
столикого ануса
мы бубенцы
и дух наш молот
гроза обошенных обнов
стучит забыта
им рвоты рота
по части конуса
здесь данс придуман
туман венцы
меняет на вино
у духов вечный голод

конечно конь
при смутном времени
бежит бегом
колотит плод по темени
а ну как не поспею
из пасти змею
не уследить перемещений
и отблеск злости
сверкая просит мщений
но треснут трости
и трудные признанья
земля исторгнет
без напоминанья
и смяв восторги
но скажет лишь пора
мой друг пора дуйся чуть
и двинут со двора
все подорожники
а следом уж и я лечу
как пачка от пичуг

вандалы в ванной
 полоскали лики
 и неустанно
 накрывали крики
 своим же голосом
 притушенным слегка
 как полосы
 покрыта коими рука
 и газовый рожок
 на битву созывал
 постой дружок
 вон даль а вон вандал
 но разницы
 весьма не взвесив
 проказница
 просила песен
 как деве отказать
 хотя откуда
 ей тут было взяться

порхают камни мотыльками и шмелями
 и пули тоже норовят поохотиться
 вотще над степью весенней и южной
 приятен воздух и звездного цвета
 лиются лестницы и песни ночи и ума
 у них особенный резонанс и интонация
 сегодня здесь а завтра здесь же
 какой воинственный восток и то же
 он загорается под утро и танго и
 и ноги к ночи омочивши отдуло
 ложится буркою бурчащей о дном
 едва прикрыв телес красною и ото
 не снизойти благословенью татуиров
 когда в тазу словес варенье
 кипит

и в нем восток и восток

своим кнутовищем о землю толкает
пугая ворон. Того же года шел
шел в оперу нищий и что-то
имея страсти патрон. У него
ему в поклоненье. Ротом
диловины нет. И много
но смутные тени в доме висят
простонут рядышком сонет
и станет идущий. Но
как будто висеть. И
а мысль о грядущем
его в свою поймает сеть
укутает чинно
позвав паука. И
очистит причину
которая прочтется чрез века

звонны вынуты
из нудных ушей
струны в угол кинуты
взашей
гонят гунны гнусные
мои песни вкусные
почто не вкусив
ни кусочка
месяц утопился красив
и точка
поставлена жирная
многоаршинная
как дева с ведром
у колодца
что ни пером
ни прочим не берется
и описанье опускаю
пустяк но каюсь

создание милое эфира
мои минорные глаза
куда несет нас рок событий
ужели в ящики стола
стояли кучею курганы
и до сих пор стоят шкапы
но недвижим гипербореец
гвардеец всякому парю
о лира выдай на метро мне
я укачу на острова
где колесницы четвертуют
и колесуют четверги
охрипнут крепкие орешки
вериги сбросивши сполна
волна взбирается по крыше
то ангел тихий пролетел

кашей шей грязные
скрывать с кровати норовят
не ровен час и несуразные
слова сурдинкою звучат
приидет промедления
тяжелый грузовик
сначала счастья ослепление
а после половики
политы речи возле
такого действия сургучом
о чем ослепший ослик
открыл конечно же ключом
качели чистые
не то что шейный позвонок
премного быстрые
и на звонок
не откликаются как тот
кто много не живет

в маске скоморошей
шурится земля
я такой хороший
гордость корабля
струги накренились
други взяв живот
вовсе сохранились
иль наоборот
борода из ваты
здравствуй новый год
солятся солдаты
в банке как компот
или сыроежки
сорванных ресниц
следом головешки
вешаются ниц
кабы не бациллы
целы были б пни
наступленье стылых
стульев с тыла пни
днем рукою дерзкой
я себе реку

/с но кухарин резко
сбрил кукареку

щебечут кони у ворот
 они мечтают простудиться
 стрелы на щипок бород
 навесят чтоб не заблудиться
 им виден отчий мухомор
 и подоткнутые подолы
 а где тут ров а кто тут вор
 не ведал ум он видно голый
 галдят галчата в голове
 на самом деле как волчата
 и волочат случайтраве
 стрелявших дедушек внучата
 такой расклад не по нутру
 натруженному женовозу
 он горько каркал на ветру
 и вызывал из пены розу
 весь случай скучным сразу стал
 скучайтрава затрепетала
 и сняв очки свои вандал
 вонзился в деву из металла

провода перевернулась
быть ей закорючкой
чем бы дитя не тешилось
лишь бы не хрюкало
скрючились глаза
милые малые
это не стрекоза
стручки фасоли усталые
а где-то в полях пыльных
бредли и брэнчали
печали костыльных
какими мы были вначале

кто-то выпучил глаз
а кто-то даже без усов
особых поручений класс
переполнен псов
псалмы поющих дружно
под снегом
весь некой негой разрушен
не ведал что есть нега
жил у подножия
коня стреноженного
был это тоже я
периода такого сложного
как лошадь

пасется витязь безымянный
его слова весьма румяны
игрательницы кончились
и монастырь закрыли
корова в мыле
кукареку ей ни по чем
ведь нечисть на плечо
повеситься умеет
и ход налево заключен
там ходики они же змеи
их дни короче
не то что штурман
он корабельности пиит
он море пробками поит
и упадая на глаза
подпеть готова и коза
притом недурно

кузнечик ног не чуя
усердствует стервей
колчаны чуть кочуя
устали наконец
на конницу надежда
а вера на канат
натянут где-то между
каналов и канав
о где ж ты яснорогий
младенец недотрог
зарезаны сугробы
ножами тех дорог
что ночью наострили
неверные враги
сегодня нас убили
а завтра не с руки

дни странные
и время смутное
смотри пространные
кружатся кружева
в них запахнулась ночь
ее не прожевать
зубами мудрости
монахи мнят о прошлом
их пенье нудное
гуляет чтобы истолочь
толковым словарем хотя б
хотят хорошим
промаршировать
по жизни маршем
что скажем
молвят златокудрости
ведь зуб озлоб

колодцев колокола
колодники клали в кашу
они не любили блин
соседских увеселений
пекли все свои
свалилися пылесосы
ручьев на песок
и жадно прильнули
чтолибо стреляло
башка отзывалась секир
скирд в поле немного
и каждая полна очей
чей это был приют
приятель ветру возопил
не веря вору
и это было как в былине
какаято былинка смысла
просшая в эпической пыли

у пауков пакетов нету
они в карманах
носили снежную конфету
в момент обманов
звенит свинцовая гитара
у перелеска
но сети струн покамест стары
не дергай резко
разведка выяснила снова
река в островах
звучало сливочное слово
о рваных травах швах
и полководцы у колодца
давно мечтали
воде подобно расколотся
и стать как гений талий

пряные раны колода
 корка и блюдо
 напоминание лопей
 перевернуться
 выехал витязь на выю
 вытянул ноги
 мы отдаемся батыю
 молвят дороги
 долго ли коротко пели
 пыльные шторы
 на чердаке заревели
 глаза узоры
 зоркость весьма убывает
 и удивленно
 листья свои прибавят
 тополи клены

плескайтесь в тесноте
 заплесневелые полати
 из платий
 достаётся ворох тем
 и воротом ворвавшись
 в ворота нынча
 он завтра волосатую
 огрел лопатю
 притом не замечая
 что нет в стакане чая
 и чайку с занавеса сняв
 липо коня
 песком оттерли турки
 своих сомнений потные окурки
 запрячу на чужбине
 того кто минет
 как эсминец леденец
 и стану весь птенец
 гнезда не здорово задравшегося
 певец во стане

знаменья, стужи
стучатся уши
пустите греться
подкосит сердца
серпом усердным
всех всадник медным
гремя стаканом
мы встанем рано
и в раны утра
проливши пудру
засыпав голос
забудем пола
отметить признак
а значит тризна
и три звенящих
венка и ящик
все все напрасно
знамений разных
разъятых взглядом
не будет рядом
обрядят дятлы
свой путь ютя клык
ключком и лыка
не вяжет лика
в углу висящего
уста ненастоящие

гнилые зубы будто челюсть
они резвятся и наелись
а кто не пьет чернил
очень мил
вот почему такая каша
на голове букашек
тут буквы брюквами лежат
сыны нелепых лягушат
вкусная кущи райские
невидимы карасики
им кушаки как раз
когда на небе звездный таз
звенеть начнет
и ночь прильнет
очами к стеклам без очков
в зубах подобье старичков
находка много лет
жемчужное кольцо

читай тле в деревне стихи гасит ода
окрепший окурок о хрупкий курок
и кружатся жадные воды
в них кажется жалкий листок
полуночью чуткой чужим растяжением
коверкая кровельный правильный рот
узри узурпатор сражение
где стражники наоборот
бород родословная славно виется
ведь мыши умершие тоже пищат
и если денек выдается
отменным берись за печать

надорванные дуги
бескровной подруги
сулят наслаждений
зеленый пучок
простерлися руки
топорик науки
противник хождений
хотя новичок
у лобного места
чужая невеста
скакала как кошка
притом шоколад
холодного теста
отведать оркестр
учился немножко
как некий халат

комары прогрызли корку
книга стала увядать
прибегала тут вода
с дальнего пригорка
напоив живую влагой
волосами проросла
от ушей чужих весла
нет кругов и благо
вот такие уготовит
витязь тяжкие блины
что белеют вдоль спины
синева той вдовей

курьеры в поисках карьеры
обскачут чуткость и добра
мешок собирают на прощанье
упали стали поперек
а некто думал понедельник
и понимая мая сплин
припоминает рыба молот
здесь был когда-то смысла лоск
лоскутик нежный одеяла
валился бедный ну и что
не более пяти ударов
и спорт подпорченный слегка
на ликование откликаясь
не колесом был косяком
ату туземцы возопят ли
когда атлеты гири бьют

парки порченных коробок
 пары кружатся кружась
 но один до дна и робок
 а другой вотще карась
 вы каратели кривые
 вам коровки не указ
 даже божьи что при выет
 не снимают шляпу глаз
 а при вие и подавно
 дают пятками микстур
 тех кто пал в бою бесславно
 не имел мускулатур

пейзаже в пейзаже
 резвились и даже
 стреляли рукою
 во что то такое
 толкнулись стулья
 наполнены ульями
 податься куда бы
 в дому не без жабы
 забили бутылки
 промолвили ты ли
 и дева лукаво
 скакнув под агаву
 запела былинку
 захлопала глина
 под стопкою пяток
 рогов и рогаток
 свободу бодали
 по году бы дали
 за счастье к телу
 прижать ту деву чуть вспотело

ушами кони запрягли
они любовники земли
они болеют даже летом
когда река лежит скелетом
и лижет бок у берегов
матрешка дочь материков
ее посадника округла
начертан рядом крест безуглый
бес умысла свивал виват
как будто будку и канат
сей длился столько ж сколь растений
неприхотливый хладный гений
сальери сала насолил
мелодьей моцарта залил
неужто залы оскудели
подумать могут асфодели
но на асфальте нелегко
глотать и путь и молоко

монахи спали на полу
монахини на потолке
волынщик уподобился волю
и вилкой взвился налегке
неведом дом
при том
прочтен до корки
но горе загорелось на подпорке
монахам хам укажет жестом
на флейту жести
жестокую как слезы дев
в нее напев продев
облуждали поздние трамваи
они забили сваи
в свои зрачки
не то что пяточки
в димитриевых веках
варяги мыслили о греках
и грелись у ресниц
на лестницах зеленых
в прелестницу влюбленных

в тишине запредельных перьев
 наступая коту на хвост
 все до пончиков я измерил
 и пролил листок как навоз
 понимания пончик взбитый
 ребра кажет и мажет днем
 и ползут по столу термиты
 атом мота всегда в одном
 что орлу насулили девы
 доверяет роса траве
 вопрошающей вместо где вы
 из которых кровать кровей
 из коричнево поперечных
 это ясно без утыгов
 поглядика царевич встречный
 отчего челом не таков

лоб затертый топорами
торопился в узкой раме
сказкой смазаны усы
в этом вера и весы
а во всем валянье плоти
плотник влажен при работе
но без деви нет греха
значит песня неплоха
вот мнишкует в поле маша
грудь исполнив ералаша
на ногах газет столбы
атаманы молодцы
хватать любое городишко
где же машка где же мышка
нет и тут переполох
да выискиванье блох
бляха стонет ремешками
плаха станет ликом к даме
скажет вот и все мой свет
посветика пару лет

голос сжег горячий
 ходят веток тонкие клячи
 им на деревьях не висеть
 не пыhtеть и не потеть
 а потому за далью даль
 приоткрывает календарь
 колеблемый бликами
 с лысин слетевшими муликами
 или улитками сплетая
 ту грудь которая и так литая
 и этак
 хватился трупиков конфеток
 да форточку закрыл
 от посторонних рыл
 в поход собираясь
 стоит на кружки краем
 стакан простой
 и со слезою требует покой
 царский отвести ему
 такой упрячет в ящик тьму
 притворяясь несведущей трубой
 свистящей отбой

а на нас и в шаманском
шемаханском шатре
не натянута маска
и об этой поре
очень холодно было
колесить по степи
скомороху не мило
если мыло сопит
повстречались чайки
о шести головах
их шальные хозяйки
зябнут в зыбких словах
курят времени фильтры
сигаретам конец
ибо пьяный гонец
свалился с лошади